

№ 16 13

Сов. секретно. -

~~219~~

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) -

ТОВ. СТАЛИНУ. -

Направляю Вам протокол допроса Г.ЗИНОВЬЕВА от 3-го января с.г.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Агранов
(Агранов)

" 5 " января 1935 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЗИНОВЬЕВА, Григория Евсеевича,

от 3 января 1935 года.

ВОПРОС: При Вашем допросе 22/ХП-34 года Вы показали, что в Ленинграде после XV съезда ВКП/б/, существовала подпольная организация, так называемых, зинovieвцев.

Кем возглавлялась эта организация, кто руководил ею и до какого времени она существовала?

ОТВЕТ: Подпольная организация, так называемых, зинovieвцев в Ленинграде в 1928 году была еще достаточно оформленной и крепкой, в 1929 году существовали элементы подпольной организации. Руководителями этого подполья до 1929 года включительно были ЛЕВИН В., МОРОЗОВ, ШУРЫГИН; РУМЯНЦЕВ В., НАЛИВАЙКО /РУМЯНЦЕВ представлял группу "левых", НАЛИВАЙКО отчасти был в тех же настроениях/ и другие, фамилий которых не помню.

В указанный мной период, т.-е. до 1929 года включительно, руководители подполья поддерживали со мной связь и получали от меня руководящие указания.

Кроме названной мной организации /а в 1929 г. элементов организации/, существовала еще в Ленинграде подпольная группа во главе с ЯКОВЛЕВЫМ Моисеем. ЯКОВЛЕВ Моисей до 1928 года играл в оппозиционных кругах в Ленинграде очень большую роль, выполняя фактически роль секретаря, так называемой, зинovieвской организации. Позже этого времени группа ЯКОВЛЕВА, как организационно оформленная единица, существовала приблизительно, до начала 1929 г.

- 2 -

Основные связи ЯКОВЛЕВА М. сосредоточены были в Василеостровском районе. После 1929 года подполье, так называемых, зиновьевцев в Ленинграде прекращает свое существование.

ВОПРОС: На основании чего Вы утверждаете, что подпольная организация, так называемых, зиновьевцев или, как Вы называете ее /организацию/, подполье - прекратило свое существование в Ленинграде после 1929 года?

ОТВЕТ: Я считал, что после 1929 года подполье, так называемых, зиновьевцев в г. Ленинграде больше не существует на основании того, что к этому времени прекратились мои связи с организацией или элементами организации, что ко мне перестали приезжать оттуда люди, что я не получал сведений о работе подполья, что, кроме того, из всей политической обстановки того времени вытекала необходимость прекращения всякой организационной борьбы против партии.

ВОПРОС: А приняли ли Вы меры и какие именно, как организатор и руководитель подпольной организации, к ликвидации этой организации для прекращения, как Вы показываете, борьбы против партии?

ОТВЕТ: Моя тяжелая вина перед партией и Соввластью заключается в том, что я, как руководитель подпольной организации в 1927 и 1928 г.г. и оставшегося в 1929 г. подполья, так называемых, зиновьевцев, в виде элементов организации, не заявил

- 3 -

партийным или государственным органам о существовавшем подполье и, тем самым, не положил конца его существованию. Однако, я тогда считал, что распад организационных связей между участниками организации, означает ликвидацию самой организации и вообще подполья, так называемых, зиновьевцев.

ВОПРОС: На предыдущем допросе, на вопрос следствия - подтверждаете ли Вы показания ГОРШЕНИНА о том, что в конце 1928 г. Вы говорили ему - ГОРШЕНИНУ, что в Ленинграде существует законспирированная организация, так называемых, зиновьевцев во главе с ЛЕВИНЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ, Вы ответили, что не можете этого подтвердить. Между тем, при Вашем допросе сегодня - 2/1-35 г., Вы показали, не только о существовании подпольной организации в 1928 году в Ленинграде, но что и в 1929 году также существовало подполье, так называемых, зиновьевцев.

Чем Вы можете объяснить следствию противоречивость Ваших показаний?

ОТВЕТ: Я держу ответ перед следствием за продолжительный период времени, поэтому я могу допускать отдельные неточности в своих показаниях или забывать отдельные факты. Данный конкретный факт я отношу за счет таких случаев, хотя разговора с ГОРШЕНИНЫМ, на который ссылается следствие, не помню.

ВОПРОС: Показаниями ХАРИТОНОВА М. установлено, что в 1929 г. и в 1930 году Вы - говорили ему, что в Ленинграде продолжает существовать подпольная организация, так называемых, зиновьевцев, при чем из ее руководителей называли ему ЛЕВИНА

- 4 -

В. и РУМЯНЦЕВА В. Подтверждаете-ли Вы это?

ОТВЕТ: Допускаю, что в 1929 году я говорил ХАРИТОНОВУ, что в Ленинграде существуют, как я сегодня уже показывал, элементы подпольной организации и, что, из числа руководителей, я мог назвать ХАРИТОНОВУ - ЛЕВИНА и РУМЯНЦЕВА. Однако, отрицаю такой разговор с ХАРИТОНОВЫМ в 1930 году, так как тогда уже, как я выше показывал, подполье не существовало.

ВОПРОС: В 1928 году состоялось Ваше свидание с б.лидером правых БУХАРИНЫМ, которое являлось попыткой к стовору между правыми и Вами. Дайте точные об"яснения следствию, когда, где, в чьем присутствии и от имени кого вел с Вами переговоры БУХАРИН?

ОТВЕТ: В 1928 г. я был вызван из Калуги в ЦК для переговоров о моей дальнейшей работе, вызвал меня т.МОЛОТОВ, работавший тогда в ЦК ВКП/б/. Мой приезд в Москву совпал с работами VI конгресса ИККИ. В день моего приезда или на следующий день, ко мне на квартиру вечером заехал БУХАРИН и увез меня к себе на квартиру в Кремль. Наша беседа с ним - БУХАРИНЫМ, длилась очень долго, во всяком случае, я пробыл у него до утра. Кроме меня и БУХАРИНА, больше никого не было. БУХАРИН звонил по телефону РЫКОВУ, чтобы он зашел к нему, но, не знаю почему, тот не зашел. Главный политический стержень разговора БУХАРИНА со мной, как и в его обращении к КАМЕНЕВУ, заключался в предложении блока между нами, так называемыми, зиновьевцами и правыми. Хотя формально БУХАРИН не говорил, от имени кого он ведет со мной переговоры, но разумелось, что он раз-

говаривает со мной от имени правых. БУХАРИН говорил мне, примерно, следующее: "Вы /виновьевцы/ в самом лучшем положении сейчас. За Вами будут все ухаживать. Мы /правые/ уже к Вам обратились. Вас позовут в ЦК, привлекут к работе и предложат принять участие в борьбе против правых. Не соглашайтесь на это. Во всяком случае, подождите некоторое время". Тут БУХАРИН напомнил мне, как он в свое время предупреждал меня не идти на крайние меры в борьбе с ТРОЦКИМ, направляя теперь эту аргументацию против т.СТАЛИНА. При этом и я и он всячески ругали т.СТАЛИНА, обвиняя его в том, что он виноват во всем. Далее БУХАРИН говорил, что обвинение его, ТОМСКОГО и др. в том, что они правые - выдуманно, так как, в частности, он - БУХАРИН, мол, совсем не правый и не за кулака, а считает, что надо осторожнее подходить к крестьянству; жаловался на то, что ведется линия на изоляцию его в ИККИ и оклеветание его перед делегациями братских компартий, но что он имеет большую опору среди немецких примиренцев, итальянцев и др., что в аппарате ИККИ у него есть свои люди и, в частности, назвал мне Эмбер Дро; жаловался на то, что его снимают с работы в "ПРАВДЕ".

В процессе разговора БУХАРИН сказал мне, что есть 15 или 16 членов ЦК, которые готовы их - правых, поддержать, но фамилий их, кажется, не назвал.

ВОПРОС: Что Вы ответили БУХАРИНУ на его предложение?

ОТВЕТ: Я его упрекал в том, что он поддерживает в борьбе с нами совершенно неверную, на мой взгляд тогда, теорию о

- 6 -

возможности победы социализма в одной стране, ругал его группу молодых учеников за правые взгляды, называл их "струвьятами". БУХАРИН сказал мне, что теорию о победе социализма в одной стране, в таком виде, как ее выдвигает т.СТАЛИН, он не защищает, что он отстаивает только то, что наша революция по своему характеру социалистическая и что, мол, эти свои взгляды он протащил, якобы, в программу Коминтерна. Это его заявление о теории построения социализма в одной стране носило характер сглаживания разногласий и уступки нам. По поводу его "школки" молодых, он мне говорил, что я к ним несправедлив, что, конечно, отдельные ошибки имели место, но что это талантливая молодежь и их не надо бить.

Основной смысл моего ответа БУХАРИНУ сводился к тому, что политического единства у меня и моих единомышленников с правыми не может быть, хотя расхождений во враждебной оценке роли т.СТАЛИНА у меня с ним - не было.

ВОПРОС: Передавали ли Вы об этом своем разговоре с БУХАРИНЫМ КАМЕНЕВУ, когда, где и в какой форме?

ОТВЕТ: По отъезде из Москвы, как только я приехал в Калугу, я передал о моем свидании с БУХАРИНЫМ КАМЕНЕВУ самым подробным образом.

ВОПРОС: Как реагировал на этот разговор с БУХАРИНЫМ КАМЕНЕВ?

ОТВЕТ: КАМЕНЕВ солидаризировался со мной, что на блок с правыми идти не надо, хотя считал, что надо все же связь с ними поддерживать, так как они - правые, могут питать нас ценной политической информацией.

ВОПРОС: Когда и кому из Ваших единомышленников Вы передавали о своих переговорах с БУХАРИНЫМ?

ОТВЕТ: Говорил многим из моих единомышленников, приехавшим в тот период времени в Калугу, в том числе, вероятно, ЕВДОКИМОВУ, БАКАЕВУ, ШАРОВУ, ФЕДОРОВУ, ЗАЛУЦКОМУ и другим, фамилий которых не помню.

ВОПРОС: Доводили ли Вы до сведения партийных органов о факте Ваших переговорах с правыми?

ОТВЕТ: Нет, я это скрыл от партии и довел об этом теперь до сведения следствия.

ВОПРОС: Сообщите следствию о свидании КАМЕНЕВА с б.лидерами правых в 1929 г., где и в чьем присутствии оно происходило, а также в чем выражались переговоры между ними?

ОТВЕТ: Со слов КАМЕНЕВА знаю, что, не то осенью, не то зимой 1929 г. на даче ТОМСКОГО или ШМИДТА, состоялось свидание КАМЕНЕВА с б.лидерами правых. Присутствовали на этом свидании - ТОМСКИЙ, БУХАРИН или РЫКОВ /возможно, что и БУХАРИН и РЫКОВ/ и ШМИДТ В. Эти переговоры имели место накануне не то партийной конференции, не то пленума ЦК ВКП/б/. В процессе этой беседы правые высказывали свои обиды против партийного руководства за то, что их, мол, притесняют и т.д. Говорили КАМЕНЕВУ, что их - правых, поддерживает часть членов ЦК ВКП/б/. Основной смысл разговора заключался в том, что они фактически спрашивали совета у КАМЕНЕВА, - какое впечатление произведет такой шаг, как подача коллективной отставки ими, т.-е. БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ и ТОМСКИМ.

Обращались они к КАМЕНЕВУ, как к опытному политику, представлявшему группу, так называемых, зиновьевцев.

ВОПРОС: Как реагировал КАМЕНЕВ на заявление б.лидеров правых?

ОТВЕТ: Не помню, но очевидно, отнесся отрицательно к коллективной отставке и предложил им капитулировать, так как и я и он считали, что это единственный выход для правых для того, чтобы сохранить себя в партии.

ВОПРОС: Расскажите подробно о Вашем свидании с ТОМСКИМ в 1929 г. в Сочи и в чем заключалось его содержание?

ОТВЕТ: В 1929 году, когда я жил в Сочи на даче ЦИК"а Союза, там же находились ТОМСКИЙ и ФЕДОРОВ Г. В это время у меня был с ТОМСКИМ большой разговор, в котором ТОМСКИЙ дал самую пессимистическую оценку положения правых. Он сказал мне, что вопрос о правых уже предрешен, что они будут отстранены от руководящей работы. ТОМСКИЙ также говорил, что профсоюзов фактически нет. Ругал меня за то, что я в отдельных моих статьях, которые иногда печатались, нападаю на правых; говорил, что, мол, все мои старания напрасны, что все равно мы, так называемые, зиновьевцы, конченые люди и, что надо молчать, отсиживаться и выждать удобного времени. Это последнее замечание имело такой смысл, что будущее покажет оправдается-ли линия ЦК ВКП/б/.

ВОПРОС: Присутствовал ли при этих разговорах ФЕДОРОВ и принимал ли участие в них?

ОТВЕТ: Не помню присутствовал ли ФЕДОРОВ при этом разговоре, но он был в курсе всех моих разговоров с ТОМСКИМ.

ВОПРОС: Уславливались ли Вы с ТОМСКИМ об установлении связи с ним и через кого?

ОТВЕТ: Точно не помню, но, кажется, мы условились поддерживать связь и в дальнейшем, при чем, поскольку ФЕДОРОВ был очень близок к ТОМСКОМУ, допускаю, что он должен был эту связь с ним осуществлять. Однако, насколько помню, никаких связей не последовало.

ВОПРОС: Расскажите о Вашем свидании с ТОМСКИМ в 1932 г.?

ОТВЕТ: Накануне моего отъезда в ссылку в Кустанай в 1932 г., после моего осуждения, я зашел к ТОМСКОМУ в кабинет в ОГИЗ"е по делам о моих литературных работах. Тут у меня с ним состоялся разговор. ТОМСКИЙ дал оценку положению в деревне в самых мрачных тонах, говорил, что деревня, в результате проводимой коллективизации, разоряется, что в деревнях, где он - ТОМСКИЙ, был половина изб обезлюдена, что сама жизнь, мол, показала, что политика правых оправдалась и что сумма всех мероприятий ЦК неизбежно потерпит крах. В ответ на это я ему сказал, что отступление от политики коллективизации, по моему мнению, недопустимо и невозможно, однако, высказал ему большие опасения за состояние страны, в связи с положением в деревне. В частности, я высказал ТОМСКОМУ свои сомнения в правильности закона от 7 августа - об

охране социалистической собственности, в целесообразности введения Колитотделов МТС, что эта мера, по моему, пахнет военным коммунизмом и малоцелесообразна. К определенным выводам мы не пришли, но оба считали, что будущее покажет правильна ли была линия ЦК ВКП/б/.

ВОПРОС: Говорили ли Вы о своем свидании с ТОМСКИМ в 1932 г. КАМЕНЕВУ, и как он реагировал на это?

ОТВЕТ: КАМЕНЕВ уехал в ссылку в Минусинск значительно раньше моего отъезда в Кустанай, поэтому возможно, что я не передавал ему разговора с ТОМСКИМ, хотя не исключаю, что я мог ему об этом и говорить.

ВОПРОС: Кому из Ваших единомышленников, когда и где Вы говорили о своем свидании с ТОМСКИМ?

ОТВЕТ: Допускаю, что я мог о своем разговоре с ТОМСКИМ говорить ЕВДОКИМОВУ.

ВОПРОС: Показаниями САФАРОВА установлено, что в 1932 г. Вы делали попытки стовориться с другими антипартийными группами, в целях организации блока для борьбы с партийным руководством.

Расскажите с кем именно и какие конкретно переговоры Вы вели в этом направлении?

ОТВЕТ: Обстановка трудностей 1932 г., колебания отдельных элементов в партии из остатков б. оппозиционных групп, рецидивы антипартийных взглядов у этих элементов, слухи об антипартийных настроениях среди лиц, раньше не бывших ни в каких оппозициях, в частности, в Институте Красной

- II -

Профессуры /кажется, СТЭН называл ДЗЕНИСА/, в среде, якобы, старых большевиков, помню, называли СОЛЫЦА, говорили о разногласиях в украинской руководящей верхушке - все это усиливало мои колебания и создавало почву для оживления остатков различных антипартийных групп. В это время со стороны различных антипартийных групп делаются попытки к политическому сговору, в целях организации блока для борьбы с партийным руководством. В этом направлении делается ряд шагов - 1/ СТЭН связывается со мной и передает платформу от рутинцев для информации и зондирования; 2/ КАМЕНЕВ встретился с ШАЦКИНЫМ и ДОМИНАДЗЕ, по инициативе последних, в конце лета 1932 г. в Гаграх, где имел с ними, т.-е. с ШАЦКИНЫМ и ДОМИНАДЗЕ, разговор, во время которого они, по существу, искали блока с нами, так называемыми, зиновьевцами на основе борьбы с партией и с т.СТАЛИНЫМ. Эти их поиски блока вуалировались предложениями о взаимной связи и обмене политической информации. КАМЕНЕВ, по его словам, отказался от этого; 3/ С ЕВДОКИМОВЫМ связываются троцкисты в лице И.Н.СМИРНОВА. Последний /СМИРНОВ/ встречался с ЕВДОКИМОВЫМ в столовой Совнаркома и однажды, высказав ему недовольство положением в стране и внутри партии, предложил ЕВДОКИМОВУ, для взаимного выяснения точек зрения по затронутым вопросам, встретиться с ним - СМИРНОВЫМ, МРАЧКОВСКИМ и, кажется, ВАГАНЬЯНОМ. ЕВДОКИМОВ, рассказав мне все это, спросил, как ему быть. Я высказался отрицательно по поводу связи с СМИРНОВЫМ и др., так как, хотя у меня и были антипартийные настроения, но я был против борьбы; 4/ моя встреча

с САФАРОВЫМ является также прямой попыткой сближения с ним. Во время этой встречи с ним летом 1932 г. у меня на даче в Ильинском, мы с САФАРОВЫМ обменялись своими антипартийными настроениями по поводу положения в стране.

САФАРОВ также рассказывал мне о работе Коминтерна в отрицательном духе. Допускаю также, что он говорил мне о необходимости посылки коллективного письма в ЦК ВКП/б/ по поводу положения в стране и партии. Давали повод различным антипартийным группам искать со мной сближения и пытаться вокруг меня сколотить блок антипартийных групп следующие обстоятельства: а/ мои и моих ближайших единомышленников колебания и антипартийные настроения; б/ уверенность у представителей антипартийных групп в том, что мы их не выдадим партии, в/ антипартийные группы видели в лице моем и КАМЕНЕВА людей с политическим именем, которые могут возглавить борьбу против партруководства.

ВОПРОС:

Кому из Ваших единомышленников Вы рассказывали о Ваших личных или Ваших единомышленников, переговорах с представителями различных антипартийных групп по поводу формирования антипартийного блока, как они реагировали на это?

ОТВЕТ:

Знали о переговорах КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ и частично /обращении СТЭНА/ БАКАЕВ и КУКЛИН. В частности, в моем сближении с САФАРОВЫМ принимал участие и ЕВДОКИМОВ. Общее настроение у всех нас было - послушать настроения различных антипартийных групп, быть в курсе их, выждать и посмотреть, не устанавливая с ними организационных связей.

- 13 -

ВОПРОС: В чем выражалась Ваша связь с МАДЬЯРОМ - работником Коминтерна?

ОТВЕТ: МАДЬЯР довольно часто бывал у меня. В период официального существования оппозиционной группы, так называемых, винощевцев он сочувствовал нам, потом был скрытым оппозиционером. Так как МАДЬЯР обладает широкими связями в Коминтерне, в "Правде", где он ранее работал, среди различных ответственных членов партии, то он всегда был в курсе разных вопросов и настроений. Меня интересовали эти его связи и его информация.

ВОПРОС: Какую информацию давал Вам МАДЬЯР, в частности, о работе Коминтерна и состоянии компартий разных стран, когда и при каких обстоятельствах?

ОТВЕТ: Давал мне МАДЬЯР информацию, главным образом, о работе Коминтерна и компартиях других стран, которая большей частью являлась секретной. Вспоминаю, что он говорил мне об имеющихся, якобы, место расхождений между ПЯТНИЦКИМ и МАНУИЛЬСКИМ по вопросу о тактике единого фронта; что ДИМИТРОВ намечается секретарем ИККИ и что, поэтому, МАНУИЛЬСКИЙ ищет сближения с ним против ПЯТНИЦКОГО; что недавно на заседании Политбюро ЦК ВКП/б/ взгнали руководство ИККИ за представленный проект воззвания, кажется, в связи с последней годовщиной октябрьских праздников, где, якобы, был допущен ряд ошибок по элементарным вопросам; говорил мне о разногласиях в руководящей верхушке немецкой компартии, среди которой большое недовольство руководством

- 14 -

ПИКА и что, в связи с этим, товарищи, приезжающие за указаниями, не получают их. Всю эту информацию он передавал мне в течение 1934 г. После снятия моего с работы в журнале "БОЛЬШЕВИК", - МАДЬЯР передавал мне, что т.ОРДЖОНИКИДЗЕ, встретившись в отпуску с т.СТАЛИНЫМ, якобы, спросил у него - означает ли снятие мое с работы в "Большевике" политическое мое уничтожение, на что т.СТАЛИН ответил отрицательно, сказав, что мне будет дана другая работа. МАДЬЯР сказал, что узнал он об этом разговоре со слов одного из помощников т.ОРДЖОНИКИДЗЕ - КРУГЛИКОВА.

МАДЬЯР был очень близок к ЛОМИНАДЗЕ.

ВОПРОС: Какие поручения Вы давали МАДЬЯРУ по установлению связей с представителями разных антипартийных групп, когда и какие именно?

ОТВЕТ: Я рассматривал МАДЬЯРА, как источник информации, никогда никаких поручений по связи с представителями антипартийных групп ему не давал.

ВОПРОС: Показаниями САФАРОВА установлено, что в сколачивании блока различных антипартийных групп в 1932 г. большую роль играл МАДЬЯР, выполнявший прямые Ваши поручения в этом направлении. В частности, по показаниям САФАРОВА, его свидание с Вами в 1932 г. устраивал МАДЬЯР. Что Вы можете показать по этому вопросу?

ОТВЕТ: Поручений связываться с представителями антипартийных групп я МАДЬЯРУ не давал. В отношении свидания с САФАРОВЫМ, я допускаю, что его /свидание/ мог мне предложить МАДЬЯР. В этот же период я имел желание встретиться с

ЛОМИНАДЗЕ, но пытался это сделать не через МАДЬЯРА, а через СТЭНА. Свидание с ЛОМИНАДЗЕ случайно не состоялось, какие конкретно причины помешали этому, я сейчас не помню.

ВОПРОС: В какой форме ставился Вами в разговоре с САФАРОВЫМ в 1932 году вопрос об отношении к УГЛАНОВУ и др. правым?

ОТВЕТ: Допускаю, что в разговоре с САФАРОВЫМ мог быть затронут и УГЛАНОВ; если же разговор с САФАРОВЫМ относится к тому периоду времени, когда СТЭН передавал мне рютинскую платформу, то вопрос об УГЛАНОВЕ мог быть затронут в связи с тем, что СТЭН сказал мне, что платформа, вероятно, исходит от углановских райончиков. Разговор же с САФАРОВЫМ относится к этому периоду времени. У меня было самое отрицательное отношение к УГЛАНОВУ, и я мог ему дать только такую оценку.

ВОПРОС: Что Вам говорил САФАРОВ во время своей встречи с Вами в 1932 г. о своих переговорах со ШЛЯПНИКОВЫМ?

ОТВЕТ: Допускаю, что САФАРОВ мог мне говорить о ШЛЯПНИКОВЕ, но что именно-не помню.

ВОПРОС: Показаниями САФАРОВА установлено, что в 1932 г. во время свидания с Вами он рассказал Вам о своих переговорах со ШЛЯПНИКОВЫМ и о заявлении последнего, что они, т.-е. так называемые, шляпниковцы, стоят на позициях старой антипартийной платформы и оценивают положение, как гибельное для партии. Вы, выразив сочувствие по адресу ШЛЯПНИКОВА, сказали, что он ценный человек, и коренной

- 16 -

большевик и обвинили руководство партии в травле его.

Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Повторяю, что допускаю разговор с САФАРОВЫМ о ШЛЯПНИКОВЕ. Я мог сказать, что он - ШЛЯПНИКОВ - ценный человек, что его, в известный период, ценил Ильич, но что его травит руководство партии - этого я сказать не мог, так как считал, что репрессии партии по отношению к нему правильны и вызваны его поведением.

ВОПРОС: Показаниями ЛЕВИНА В. установлено, что, во время свидания с ним в 1932 г., Вы говорили ему о попытках сговора с Вами представителей разных антипартийных групп. Что Вы можете по этому поводу сказать?

ОТВЕТ: Насколько я помню, свидание с ЛЕВИНЫМ было до получения мною от СТЭНА рютинской платформы, а также до моего свидания с САФАРОВЫМ. Однако, допускаю, что свидание могло быть и после указанных мной фактов. В последнем случае я - а/ рассказывая ему /ЛЕВИНУ/ о рютинской платформе, должен был высказать ему свое отрицательное отношение к ней, б/ передавая ему о СТЭНЕ и САФАРОВЕ, мог связывать это с попытками представителей антипартийных групп к политическому сговору. -

Г.ЗИНОВЬЕВ.

ДОПРОСИЛ: ЗАМ НАЧ СПО
ГУТБ НКВД СССР - ЛЮШКОВ.

Верно:

